

**СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИЙ: ПРИМЕР УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА****Середа Ю. В.***кандидат соціологічних наук**ДУ «Інститут економіки та прогнозування Національної академії наук України»*

Стаття присвячена аналізу змін у напрямках і каналах соціальної мобільності. Здійснено огляд світових тенденцій абсолютної і відносної мобільності, а також впливу трансформаційного контексту на соціальну мобільність. На основі даних ISSP (Програма міжнародного соціального дослідження) для України, здійснюється комплексний аналіз зв'язків між освітою, походженням, першим статусом на ринку праці і поточним статусом на основі моделювання методом структурних рівнянь. Доводиться, що пострадянські трансформації українського суспільства, в першу чергу, впливають на інституційні чинники соціальної мобільності, разом з тим канали соціальної мобільності (освіта і походження) у термінах відносних показників залишаються досить стабільними, що відповідає світовим трендам. Приклад України показує, що ключовою проблемою залишається нерівність шансів на ринку праці після завершення освіти: походження обумовлює професійний статус, головним чином, на початку кар'єри.

Статья посвящена анализу изменений в направлениях и каналах социальной мобильности. Осуществлен обзор мировых тенденций абсолютной и относительной мобильности, а также влияния трансформационного контекста на социальную мобильность. На основе данных ISSP (Программа международного социального исследования) для Украины, осуществляется комплексный анализ связей между образованием, происхождением, первым статусом на рынке труда и текущим статусом на моделировании методов структурных уравнений. Доказывается, что постсоветские трансформации украинского общества, в первую очередь, влияют на институциональные факторы социальной мобильности, вместе с тем каналы социальной мобильности (образование и происхождение) в терминах относительных показателей остаются достаточно стабильными и соответствуют мировым трендам. Пример Украины показывает, что ключевой проблемой остается неравенство шансов на рынке труда после завершения образования: происхождение обуславливает профессиональный статус, главным образом, в начале карьеры.

The paper is devoted to the analysis of changes in the directions and channels of social mobility. Global trends of absolute and relative mobility as well as the impact of transformational context on social mobility are reviewed. Based on ISSP (International Social Survey Program) data for Ukraine, analysis of the links among education, origin, the first status on the labor market and the current status is carried out by structural equation modeling. It is proved that the post-Soviet transformations of Ukrainian society primarily affect institutional factors of social mobility; though, channels of social mobility (education and origin) in terms of relative indicators remain quite stable and consistent with global trends. Ukraine demonstrates that the key issue is labor market inequality after the graduation. Origin is associated with professional status mainly at the beginning of the career.

Ключові слова: соціальна мобільність, трансформації, Україна, професійний статус, освіта, походження.

Исследования социальной мобильности справедливо называют ярким примером прогресса социологической науки. История измерения индивидуальных траекторий достижения определенных статусов и структурных изменений в распределении профессиональных, образовательных или экономических позиций отражает существенные изменения, как в методологии получения данных, так и способах их моделирования и концептуализации. Выводы о закрытости/открытости обществ, изменениях в тенденциях наследования статусов или роли факторов социальной мобильности зачастую являлись следствием выбора конкретной концептуальной схемы или методики статистического анализа.

Вопрос о концептуальном контексте, по сути, является вопросом о категориях социального неравенства. Один из примеров – противостояние сторонников классовых схем,

не имеющих принципа иерархии (например, схема EGP¹) и иерархических классификаций профессионального статуса (ISEI², SIOPS³). Недавняя статья Голдторпа подчеркивает важность многомерного структурирования социального неравенства, а значит социальная мобильность не может быть сведена исключительно к мобильности по доходам (в экономическом смысле) или к абсолютной мобильности при изменении классовых позиций (Goldthorpe, 2012). В этом контексте показателен пример панельного исследования доходов индивидов, родившихся в Великобритании в течение одной недели в 1958 и 1970 годах в связи с доходами их родителей (Goodman, Gregg & Machin, 2004). Результаты исследования продемонстрировали гораздо более сильную связь между доходами родителей и детей для когорты 1970 года рождения в сравнении с когортой 1958 года рождения. Соответственно, был сделан вывод о снижении социальной мобильности в Великобритании, и это получило широкий резонанс, как в СМИ, так и политических кругах. Стимулирование социальной мобильности стало ключевым компонентом государственной политики. Впоследствии, на тех же данных, была проанализирована межпоколенная мобильность по классовой схеме с выделением абсолютной (проценты) и относительной (отношение шансов) мобильности. Оказалось, что в относительных показателях различия между когортами отсутствуют, то есть вывод о снижении социальной мобильности не являлся легитимным (Erikson & Goldthorpe, 2010).

Что касается статистического анализа, здесь следует говорить о двух основных направлениях: регрессионный анализ и логлинейное моделирование. Начиная с первых эмпирических исследований социальной мобильности, главным инструментом анализа остается таблица сопряженности (стандартная таблица мобильности), в которой пересекаются статус отца/матери и ребенка (Glass, 1954). Хотя такая таблица мобильности хорошо работает для расчета процентов восходящей и нисходящей мобильности, в том числе по отдельным категориям социального статуса, ее сложно адаптировать для анализа факторов мобильности, например, влияния образования на шансы перемещений в рамках социальной структуры. В этом отношении новаторские идеи были реализованы благодаря привлечению регрессионного подхода, а именно путевого анализа (path-analysis), который позволяет оценить как прямых, так и косвенных факторов мобильности, например связь между происхождением и текущим статусом посредством образования (Duncan & Hodge, 1963). Регрессионный анализ также позволил перейти от интерпретации исключительно в пространстве перемещения (абсолютная мобильность) к оценке шансов или вероятности достижения статуса (относительная мобильность). Стандартная таблица мобильности продолжает использоваться для оценки структурной мобильности – общего изменения классовой структуры в течение определенного периода времени как совокупный процент "притока" или "оттока" в пределах каждого класса, а также для наблюдения за паттернами движения между классами родителей и детей (обменная мобильность). Многочисленные проблемы в этом направлении стимулировали развитие логлинейного моделирования, которое в сфере социальной мобильности впервые было предложено Хаузером (Hauser, 1976). Сейчас эти два подхода остаются наиболее популярными в контексте исследования изменений в социальной мобильности. Регрессионный анализ способствует многомерному анализу и чаще применяется в международных сравнительных исследованиях социальной мобильности. Он легко реализуется с количественными переменными, например, индексами профессионального статуса, годами образования и т.д. Логлинейное моделирование позволяет комплексный анализ на основе классовых категорий, определение так называемых "режимов мобильности", которые характеризуют открытость или закрытость общества. В последние годы появляются работы, которые пытаются интегрировать эти два подхода. Например, Логан и Брин предлагают переформулировать логлинейные модели для стандартных таблиц мобильности как полиномиальные логистические регрессии, в которые можно добавлять ряд других переменных: и категориальные, и количественные (Logan, 1983; Breen, 1994).

В исследовании изменений социальной мобильности также очень важно различать эффект периода и эффект когорты. Эффект периода характеризует экономические, политические или культурные события, которые влияют на население в целом. Например, внедрение новых технологий на определенном этапе меняет рынок труда и

¹ EGP (Erikson-Goldthorpe-Portocarero) – классовая схема Эриксона-Голдторпа-Протокарепо (Erikson, Goldthorpe & Portocarero, 1979).

² ISEI (International Socio – Economic Index of Occupational Status) – международный социально-экономический индекс профессионального статуса (Ganzeboom, De Graaf & Treiman, 1992).

³ SIOPS (Standard International Occupational Prestige Scale) – стандартная международная шкала профессионального престижа (Treiman, 1977).

профессиональную структуру, таким образом, изменяя показатели социальной мобильности. Эффект когорты касается только отдельных возрастных групп, как правило, молодых. Так, внедрение новых технологий также может иметь эффект когорты, если они будут использоваться исключительно молодым поколением, в то время как другие поколения не адаптируются и не получают новых преимуществ на рынке труда. Различение между эффектом периода и эффектом когорты является важным с точки зрения оценки скорости и степени социальных изменений, в частности понимание того, в какой степени индивидуальные или институциональные механизмы являются ключевыми детерминантами изменений в тенденциях мобильности. Сейчас существует только несколько исследований, оценивающих изменения социальной мобильности в категориях и эффекта периода, и эффекта когорты (Breen&Luijkx, 2004). Так, анализ европейских стран показывает, что изменения в относительной мобильности, в большей степени, проявляются как эффект когорты, то есть младшая когорта отличается большей социальной подвижностью (Breen&Jonsson, 2007). В этой перспективе большинство изменений в относительной мобильности, которые наблюдаются в стабильных демократических странах, являются результатом процесса смены поколений. В то же время изменения в тенденциях мобильности, связанные с эффектом периода, возникают в чрезвычайных ситуациях, таких как переход к рынку и падение коммунистических режимов в Восточной Европе в 90-х, что повлияло на все когорты (Gerber&Hout, 2004; Robert&Bukodi, 2004).

С развитием международных сравнительных исследований, появилась возможность применять идентичные инструменты измерения социальной мобильности в различных социокультурных контекстах. Это позволило обобщить ряд эмпирических выводов, представленных как своеобразные мировые тренды социальной мобильности (Goldthorpe, 2003):

- эндогенность режимов социальной мобильности: показатели относительной мобильности демонстрируют высокую степень стабильности на протяжении многих десятилетий. Если изменения и происходят, то они обычно ограничиваются отдельной когортой, а не формируются в направленный тренд;

- эндогенность режимов социальной мобильности обладает высокой степенью межнациональной общности. Чрезвычайно высокие или низкие уровни социальной подвижности как показателя открытости общества, как правило, связаны с национальными специфическими институциональными или культурными факторами, а не более общими процессами индустриализации/модернизации;

- абсолютные показатели социальной мобильности могут существенно отличаться, как с течением времени, так и между странами; это структурный эффект, т.е. изменения в распределении населения по отдельным категориям статусных схем, а не показатель усиления неравенства или закрытости общества;

- во всех современных обществах наиболее важным фактором социальной мобильности является образование (а также, соответствующие характеристики, например, IQ, одаренность и т.д.). Это медиатор связи между происхождением и текущей позицией. Вместе с тем, ни одно общество не может считаться меритократическим в полной мере: непосредственное влияние происхождения на текущий статус все равно сохраняется. Важность образования как медиатора не меняется со временем, а связь между происхождением и уровнем образования если и ослабевает, то очень медленно;

- связь между происхождением и текущей позицией, как правило, слабее среди лиц с более высоким уровнем образования, чем среди тех, у кого низкий уровень образования.

Учитывая мировой опыт исследований социальной мобильности, главные изменения происходят именно в области структурных сдвигов и абсолютной мобильности, в то время как значимость тех или иных каналов социальной мобильности остается достаточно стабильной. Вместе с тем, последние сравнительные исследования межпоколенной мобильности, включающие посткоммунистические страны, показывают, что связь между статусом родителя и ребенка значительно слабее в странах с коммунистическим прошлым по сравнению со странами с длительной традицией демократии (Yaish&Andersen, 2012). Т.е. структурные эффекты также могут обуславливать изменения в относительных показателях мобильности. Эриксон и Голдторп демонстрируют статистически значимую нестабильность в показателях относительной мобильности на примере Венгрии до и после падения коммунистического режима (Erikson&Goldthorpe, 1992). Они эмпирически доказывают стойкое снижение неравенства и рост относительной мобильности среди более образованных когорт в коммунистический период и прямо противоположную тенденцию после смены режима. Ряд исследователей даже придерживаются идеи, что нельзя сравнивать страны бывшего коммунистического блока вместе с остальными европейскими государствами, поскольку

разный трансформационный опыт существенно меняет детерминанты и направления социальной мобильности (Breen&Luijkx, 2004).

В целом, научные работы о социальной мобильности в посткоммунистических странах, в частности Украине, гораздо менее распространены в сравнении с аналогичными исследованиями в Западной Европе и США. Одной из причин такой ситуации является отсутствие систематических когортных исследований, позволяющих отслеживать образовательную и профессиональную мобильность определенной когорты населения в течение длительного периода времени. Имеющиеся данные в большинстве являются «квази-лонгитудами», показывающие динамику изменений в распределении профессий, образования или материального статуса, а также включают ретроспективные вопросы относительно происхождения, однако не позволяют различать эффект периода и эффект когорты.

Опыт имеющихся исследований социальной мобильности в Украине

Первыми исследованиями межпоколенной социальной мобильности в Украине можно считать работы на основе опросов населения г. Киева в 1979 и 1985 годах, которые были организованы исследовательским коллективом в составе А. Вишняка, С. Войтовича, С. Макеева, В. Паниотто, В. Тарасенко, В. Чорноволенка и Ю. Яковенко (Оксамитна С.М., 2012). В 90-х годах главное внимание было сосредоточено на структурных сдвигах в профессиональной структуре. Исследователи, в основном, обращаются к межпоколенным перемещениям, в то время как данные о внутривнутрипоколенной (карьерной) мобильности практически отсутствуют. Например, результаты ежегодного мониторинга Института социологии НАН Украины 1993-2003 годов свидетельствуют о таких тенденциях социоструктурных изменений: уменьшение численности менеджеров и профессионалов, высококвалифицированных специалистов умственного труда с высшим образованием, увеличение количества мелких собственников, самозанятых и фермеров в 2-2,5 раза; работники физического труда остаются наиболее многочисленной классовой категорией среди мужчин, однако среди них существенно возрастает доля квалифицированных рабочих; зафиксировано увеличение женщин в сфере полу- и неквалифицированного физического труда при уменьшении их доли среди профессионалов (Оксамитна С., 2003). Данные мониторинга позволяют сделать вывод о том, что в пределах межпоколенной мобильности происходит уменьшение перемещений на длинные дистанции и замедление обменной социальной мобильности между представителями различных классов, в том числе, что касается доступа к высшему образованию. Для когорт и советского, и постсоветского периода характерно воспроизведение среднего и высшего уровня образования. Вместе с тем, для постсоветского поколения воспроизведение неполного среднего образования происходит в два раза чаще, если сравнивать с представителями советского периода, что свидетельствует об определенных барьерах доступа даже к полному среднему образованию и углублении образовательного неравенства (Оксамитна С., 2006).

На сегодня наиболее комплексной работой о тенденциях социальной мобильности в Украине является исследование С.М. Оксамитной. Как сторонник институционального подхода, она рассматривает влияние структурных факторов на воспроизводство социального неравенства и социальной мобильности, в частности межпоколенной социально-классовой и образовательной мобильности (Оксамитна С.М., 2012). По оценкам Оксамитной, относительные шансы классовой мобильности оставались стабильным до первых десятилетий независимости. Иными словами, в Украине динамика общей социальной мобильности является следствием преимущественно влияния структурных факторов, а не усиления или ослабления социальной подвижности как таковой. Рост или уменьшение уровней абсолютной мобильности в определенные временные периоды не сопровождались существенными изменениями относительных шансов классовой и образовательной мобильности. Оксамитная применяет лог-мультипликативное моделирование и доказывает, что для представителей пяти последовательных возрастных когорт (1930-1979 годы рождения) в целом не происходило ни статистически значимого ослабления, ни усиления неравенства возможностей. Вместе с тем, есть доказательства об изменении силы связи между шансами достижения женщинами определенных классовых позиций в зависимости от классовой принадлежности отца. Имеющиеся структурные изменения в первую очередь отразились на гендерном аспекте социальной мобильности.

На фоне стабильности общего уровня связи между происхождением и статусом шансы социальной мобильности имеют определенные колебания по отдельным классам. Например, среди представителей молодой постсоветской когорты происходит уменьшение возможности осуществить восходящую межпоколенную мобильность среди тех, кто

относится к классам средне- и малоквалифицированного физического труда, в том числе сельскохозяйственного. Такая ситуация свидетельствует об усилении образовательного неравенства, несмотря на значительное увеличение количества мест для обучения в высших учебных заведениях в период независимости. Другими словами, расширение доступа к высшему образованию не привело к уменьшению зависимости образовательных возможностей детей от их происхождения. Напротив, распространяется образовательная поляризация – рост доли как высокообразованных, так и малообразованных категорий населения.

Особенности отношений между происхождением, образованием и профессиональным статусом в украинском обществе

Имеющиеся исследования социальной мобильности в Украине преимущественно базируются на использовании классовых схем для измерения траекторий перемещений, а также оценке межпоколенной мобильности, в то время как, внутриспоколенная мобильность практически не исследуется. Мы предлагаем комплексный анализ связей между образованием, происхождением, первым статусом на рынке труда и текущим статусом на основе SEM (Structural Equation Modeling – моделирование методом структурных уравнений), что позволяет исследовать как прямые так и косвенные эффекты отдельных факторов социальной мобильности в терминах относительных показателей. Например, происхождение может обуславливать шансы получения высшего образования, что, в свою очередь, также является фактором более высокого статуса, однако высокий статус родителей может непосредственно влиять на шансы получения хороших позиций на рынке труда для сыновей и дочерей, несмотря на уровень их образования. Чем меньше связь между происхождением и текущей позицией индивида, тем выше уровень относительной межпоколенной мобильности. Иными словами, в обществе эффективно работают социальные лифты, уменьшающие влияние социально-экономического статуса родителей на статус ребенка.

Методология. Ключевые переменные, характеризующие позицию и происхождение индивида измеряются как ISEI (International Socio-Economic Index of Occupational Status) – Международный социально-экономический индекс профессионального статуса, который варьируется от 16 (самый низкий – низкоквалифицированные работники физического труда) до 88 (самый высокий – управленцы, менеджеры высшего звена). Мы оцениваем как позицию индивида на старте трудовой карьеры (ISEI первой работы после завершения образования), так и текущую позицию (ISEI работы на момент опроса). Это позволяет сделать определенные выводы относительно карьерной мобильности. Происхождение измеряется двумя переменными: ISEI отца и ISEI матери, когда респонденту было 14-16 лет. Уровень образования закодировано как количественную переменную по шкале от одного до восьми, где каждая "ступенька" отражает рост квалификации: (1) «Никогда не ходили в школу», (2) «1-6 лет средней школы», (3) «7-9 лет средней школы», (4) «Техникум / ПТУ после 7-9 лет без полного среднего образования» или «Полное среднее образование», (5) «Техникум / ПТУ после полного среднего образования», (6) «Неполное высшее образование (1-3 года высшего образования)», (7) «Степень бакалавра», (8) «Степень специалиста / магистра или выше». Дополнительно используются переменные возраст и пол.

Анализ базируется на данных ISSP 2009 года, международного сравнительного исследования социального неравенства. Общее количество опрошенных по репрезентативной выборке в Украине составляет 2012 респондентов в возрасте от 18 лет. Поскольку предполагалось сравнение статусов родителей и детей уже в начале карьеры, выборка ограничена работающими респондентами старше 29 лет (1156 человек).

Анализ включает расчет стандартных таблиц мобильности по квантилям ISEI родителей и детей, а также первой и текущей работы для оценки абсолютной мобильности, а также расчет корреляционных коэффициентов Пирсона для оценки относительной мобильности. Дополнительно рассчитываются модели структурных уравнений для описания связей между статусами родителей, детей и достигнутым уровнем образования. Анализ выполнен отдельно по полу и по возрастным когортам. Отдельные модели для мужчин и женщин актуализированы различными трендами социальной мобильности, которые уже были обнаружены в предыдущих исследованиях украинского общества. Анализ по возрастным когортам позволяет частично проследить изменения в факторах мобильности с течением времени. Всего было выделено 3 когорты, которые представляют 20-летние интервалы: (1) «1920-1940» (N = 152), (2) «1941-1960» (N = 432), (3) «1961-1980» (N = 500). Первая когорта включает население пенсионного возраста, их ISEI отражает статус последней работы среди тех, кто уже не работает, и текущий статус среди работающих пенсионеров. Мы не включили в анализ молодежь, которая только вышла на рынок труда (1981-1990 годы рождения), так

как сравнение текущего профессионального статуса и статуса родителей по этой когорте некорректно. Профессиональный статус их родителей отражает ISEI, который был достигнут позже, в 35-40 лет. Все модели путевого анализа соответствуют таким критериям качества: RMSEA<0.05, CFI/TLI>0.95. В условиях ограниченного объема статьи, порядок выбора моделей не указывается.

Результаты. Абсолютная межпоколенная мобильность в разрезе возрастных когорт демонстрирует изменения в условиях наследования статусов на этапе выхода на рынок труда. Если в возрастной когорте 1920-1940 годов рождения 42% наследовали статус отца уже с первой работой, а 37% занимали более высокие позиции, в последующих когортах ситуация меняется: иммобильность существенно снижается (табл. 1). Что касается наследования статуса матери на первой работе, доля иммобильных также уменьшается: 42% в когорте «1920-1940» и 28% в когорте «1961-1980».

Сравнение ISEI отца и ISEI текущей работы свидетельствует об уменьшении показателя абсолютной восходящей мобильности среди возрастных когорт 1941-1960 и 1961-1980 годов рождения. Учитывая, что оценка их текущих позиций приходится на период независимости, а оценка статуса отца – на советский период, такое уменьшение восходящей мобильности может быть не столько показателем обострения неравенства, сколько результатом структурных изменений в распределении профессиональных классов. Абсолютная межпоколенная мобильность по статусу матери демонстрирует подобные тенденции. Различия в карьерной мобильности по возрастным когортами отсутствуют. Во всех когортах примерно половина населения остаются иммобильными, а четверть – осуществляют восходящую мобильность.

Таблица 1. Абсолютная межпоколенная и внутривосходящая мобильность среди отдельных возрастных когорт, %*

<i>Направление мобильности</i>	<i>Тип мобильности</i>	1920-1940	1941-1960	1961-1980
ISEI отца -> ISEI первой работы (p<0.001)	Восходящая	37	44	39
	Нисходящая	22	31	33
	Иммобильность	42	24	29
ISEI отца -> ISEI текущей работы (p=0.022)	Восходящая	50	42	36
	Нисходящая	26	34	37
	Иммобильность	24	24	27
ISEI матери -> ISEI первой работы (p<0.001)	Восходящая	43	49	36
	Нисходящая	15	22	36
	Иммобильность	42	29	28
ISEI матери -> ISEI текущей работы (p<0.001)	Восходящая	52	45	32
	Нисходящая	13	25	38
	Иммобильность	35	30	30
ISEI первой работы -> ISEI текущей работы (p=0.109)	Восходящая	28	25	23
	Нисходящая	23	31	30
	Иммобильность	50	44	47

* Показатели рассчитаны на основе таблиц мобильности для квантилей ISEI.

Статистически значимые различия в показателях абсолютной мобильности между мужчинами и женщинами обнаружены в отношении наследования статуса матери в начале карьеры и ее продолжении (табл. 2). В сравнении с мужчинами, среди женщин больше процент иммобильных в случае наследования статуса матери и на первой, и на текущей работе. Абсолютная восходящая карьерная мобильность выше среди мужчин, тогда как абсолютная нисходящая карьерная мобильность не отличается по полу. Для 42% мужчин и 51% женщин ISEI текущей работы находится в том же квантиле, что и ISEI первой работы на рынке труда по окончании образования.

Таблица 2. Абсолютная межпоколенная и внутривыколенная мобильность по полу, %

<i>Направление мобильности</i>	<i>Тип мобильности</i>	Мужчины	Женщины
ISEI отца -> ISEI первой работы (p=0.074)	Восходящая	37	42
	Нисходящая	35	30
	Иммобильность	29	28
ISEI отца -> ISEI текущей работы (p=0.689)	Восходящая	39	41
	Нисходящая	36	34
	Иммобильность	26	25
ISEI матери -> ISEI первой работы (p<0.001)	Восходящая	41	37
	Нисходящая	35	27
	Иммобильность	24	36
ISEI матери -> ISEI текущей работы (p<0.001)	Восходящая	40	34
	Нисходящая	36	30
	Иммобильность	24	36
ISEI первой работы -> ISEI текущей работы (p<0.001)	Восходящая	29	20
	Нисходящая	29	29
	Иммобильность	42	51

* Показатели рассчитаны на основе таблиц мобильности для квантилей ISEI.

Что касается относительного измерения связей между происхождением и текущей позицией, ситуация остается достаточно устойчивой. Корреляции карьерной мобильности (между ISEI первой и текущей работы) достаточно высоки среди всех когорт, что свидетельствует о отсутствии существенных сдвигов в карьерном росте (табл. 3). Первая и текущая работа, как правило, характеризуются одинаковыми или близкими ISEI. Корреляция между ISEI родителей и детей колеблется от 0.2 до 0.4 (умеренная связь). Среди женщин наблюдается более высокая корреляция между статусом матери и достигнутым статусом, как на этапе начала трудовой деятельности, так и в дальнейшем (табл. 4). Корреляция между ISEI первой и текущей работы также выше среди женщин, что свидетельствует о меньших возможности карьерного роста в течение жизни по сравнению с мужчинами.

Таблица 3. Относительная межпоколенная и внутривыколенная мобильность среди отдельных возрастных когорт, корреляции Пирсона

<i>Направление мобильности</i>	1920-1940	1941-1960	1961-1980
ISEI отца - ISEI первой работы	0.365	0.202	0.291
ISEI отца - ISEI текущей работы	0.24	0.212	0.272
ISEI матери - ISEI первой работы	0.356	0.371	0.366
ISEI матери - ISEI текущей работы	0.314	0.275	0.399
ISEI первой работы - ISEI текущей работы	0.667	0.52	0.597

Таблица 4. Относительная межпоколенная и внутривыколенная мобильность среди мужчин и женщин, корреляции Пирсона

<i>Направление мобильности</i>	Мужчины	Женщины
ISEI отца - ISEI первой работы	0.295	0.285
ISEI отца - ISEI текущей работы	0.24	0.265
ISEI матери - ISEI первой работы	0.33	0.406
ISEI матери - ISEI текущей работы	0.246	0.387
ISEI первой работы - ISEI текущей работы	0.507	0.668

И для мужчин, и для женщин профессиональные статусы родителей, в первую очередь, влияют на условия выхода на рынок труда и обеспечение определенного уровня образования (рис. 1). В дальнейшей карьере непосредственное влияние происхождения уменьшается. Так, и статус отца, и статус матери напрямую связаны с уровнем образования

сына и его ISEI на первом месте работы, в то время как прямое влияние на дальнейший показатель ISEI (текущая работа) уже отсутствует. Вместе с тем, статус матери имеет непосредственную связь с ISEI дочери как на первом месте работы, так и в дальнейшей карьере.

Образование является ключевым фактором социальной мобильности как для мужчин, так и женщин. Так, независимо от профессионального статуса родителей, повышение уровня образования на одну ступень соответствует увеличению ISEI сыновей и дочерей на первом месте работы примерно на 5 позиций. С другой точки зрения социальные феномены, в основе которых находится агональность, сопровождаются агрессивностью.

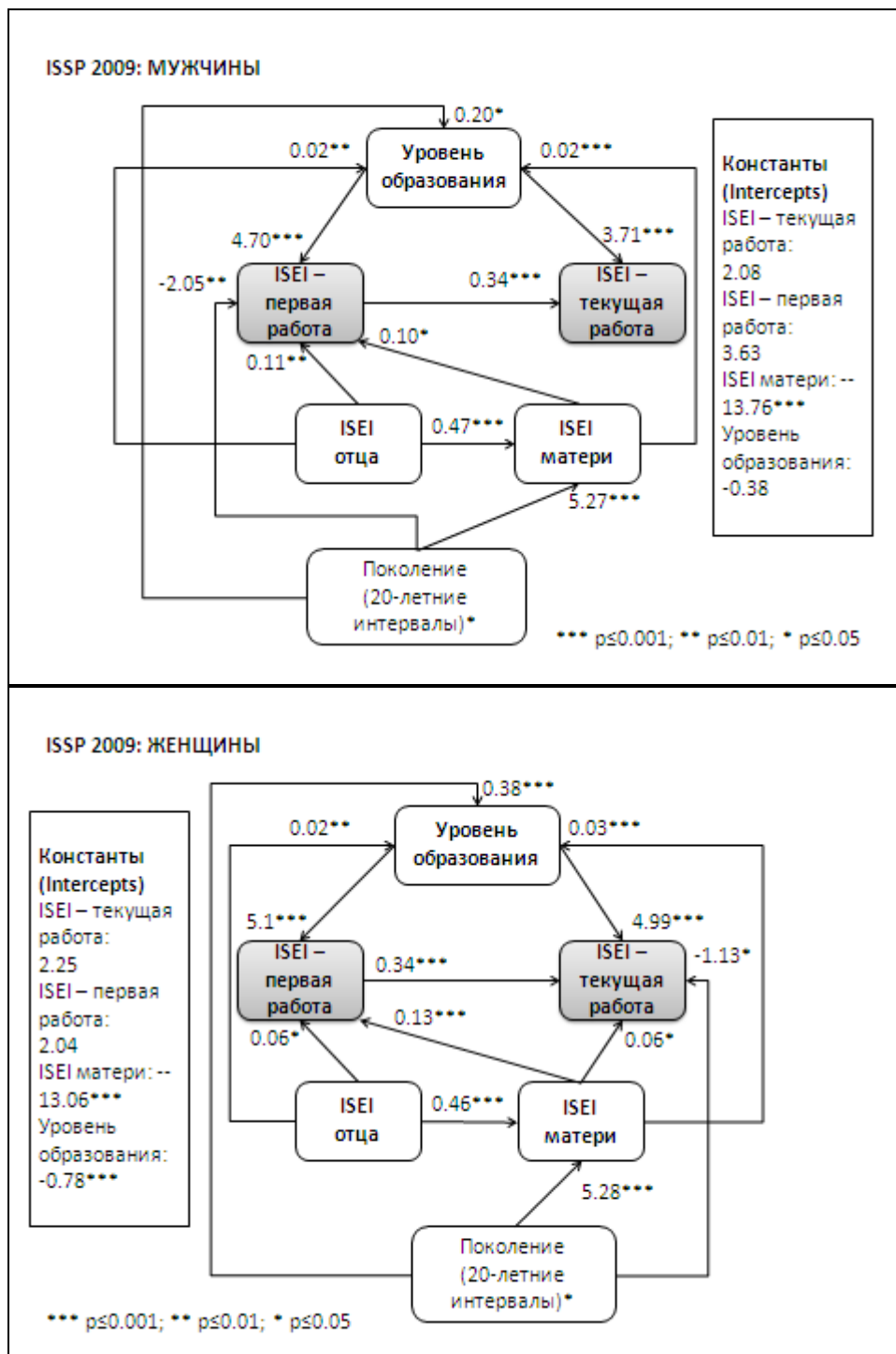
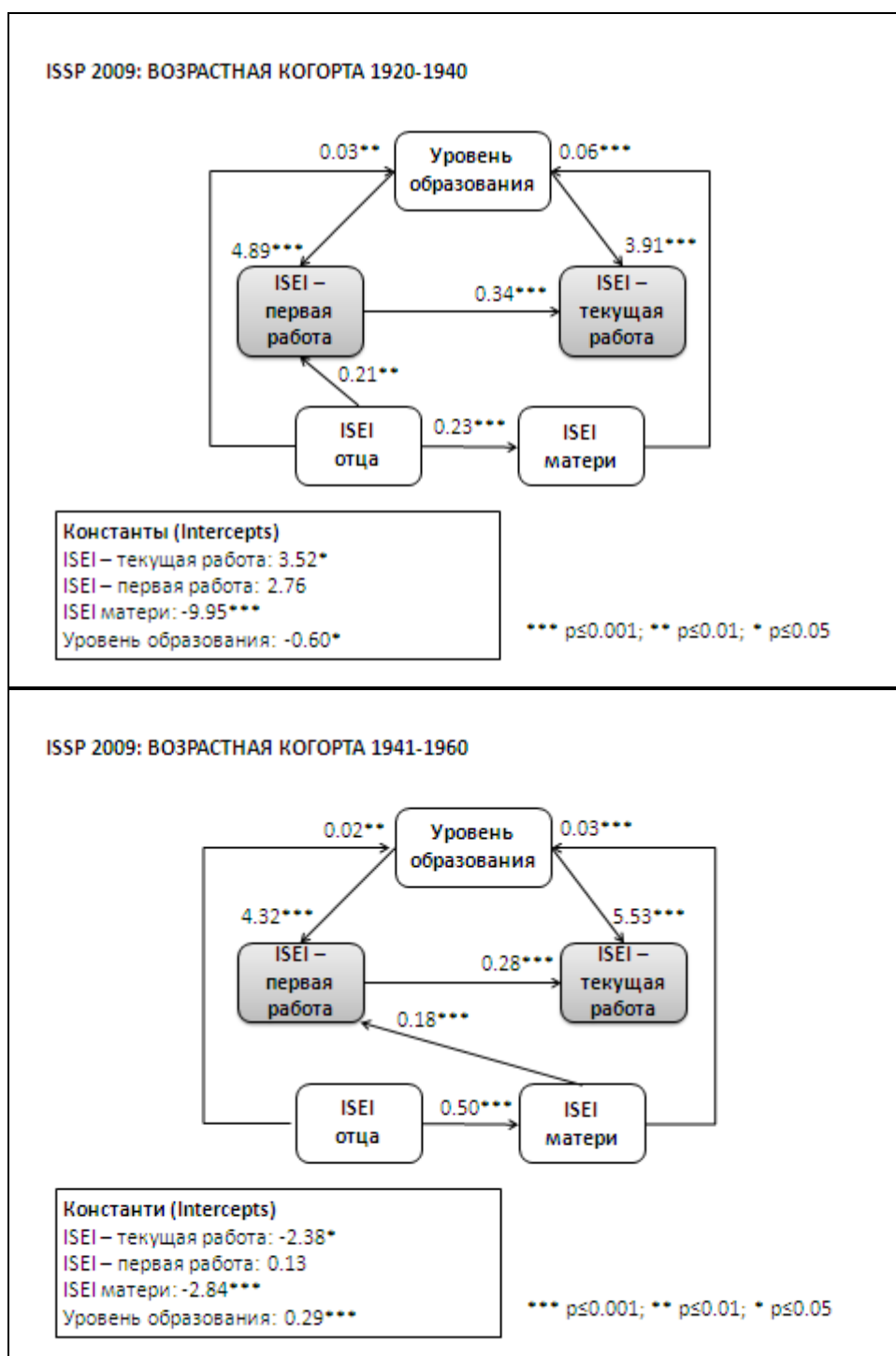

Рис. 1. Связь между образованием, происхождению и профессиональным статусом среди мужчин и женщин: модель структурных уравнений (CFI = 1.00, TLI = 1.00, RMSEA = 0.00), не стандартизированные регрессионные коэффициенты

* Коэффициенты интерпретируются как число, на которое изменяется одна переменная (например, уровень образования), если другая переменная (например, ISEI матери) возрастает на один пункт.
Все переменные моделируются как количественные, «Уровень образования» и «ISEI» центрированы вокруг среднего значения.

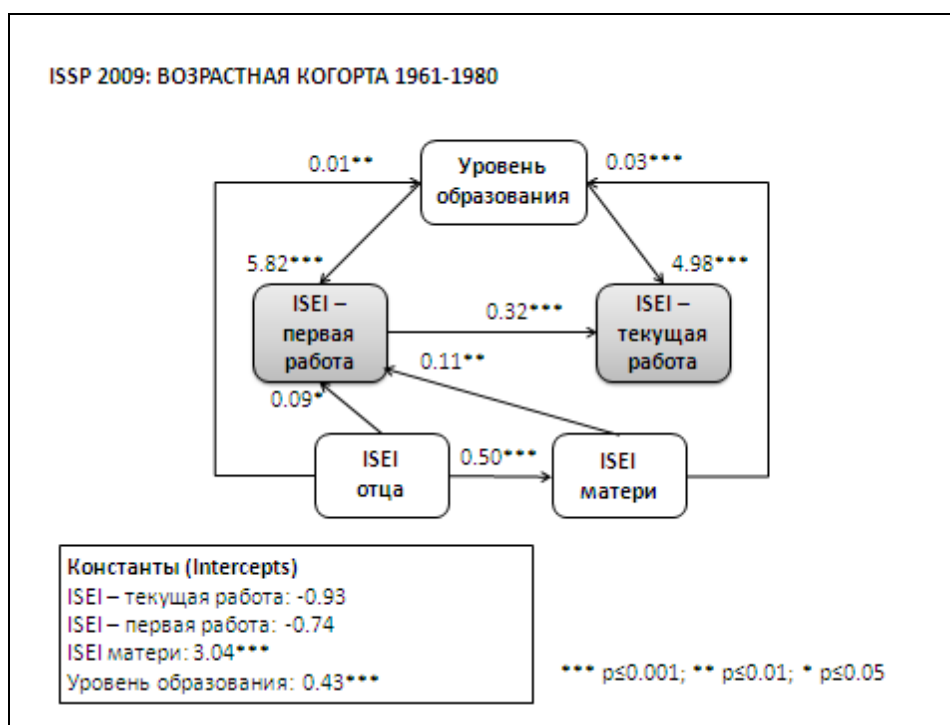

Рис. 2. Связь между образованием, происхождению и профессиональным статусом среди отдельных возрастных когорт: модель структурных уравнений (CFI = 1.00, TLI = 1.00, RMSEA = 0.00), не стандартизированные регрессионные коэффициенты

**Коэффициенты интерпретируются как число, на которое изменяется одна переменная (например, уровень образования), если другая переменная (например, ISEI матери) возрастает на один пункт.*

Все переменные моделируются как количественные, «Уровень образования» и «ISEI» центрированы вокруг среднего значения.

Таблица 5. Совокупные эффекты* происхождения и образования на профессиональный статус первой и текущей работы, нестандартизированные регрессионные коэффициенты

	ISEI первая работа	ISEI текущая работа
По полу		
Женщины		
ISEI матери	0,28	0,25
ISEI отца	0,29	0,27
Уровень образования	5,10	6,72
Мужчины		
ISEI матери	0,19	0,11
ISEI отца	0,30	0,14
Уровень образования	4,70	5,31
По возрастным когортам		
1920-1940		
ISEI матери	0,29	0,10
ISEI отца	0,42	0,24
Уровень образования	4,89	5,57
1941-1960		
ISEI матери	0,31	0,22
ISEI отца	0,24	0,24
Уровень образования	4,32	6,74
1961-1980		
ISEI матери	0,28	0,24
ISEI отца	0,29	0,22
Уровень образования	5,82	6,84

** Учитываются все косвенные эффекты, например влияние профессионального статуса отца на профессиональный статус респондента через уровень образования.*

Коэффициенты интерпретируются как число, на который изменяется ISEI респондента (старт карьеры или текущая позиция), если другая переменная (ISEI матери, ISEI отца или уровень образования) возрастает на один пункт

Все коэффициенты являются статистически значимыми на уровне 1%.

Связь между первой работой и дальнейшей карьерой одинакова и среди мужчин, и среди женщин. ISEI текущей работы положительно коррелирует с ISEI первой работы (регрессионный коэффициент = 0,34), это означает, что индивиды, которые уже в начале карьеры получили высокие позиции, в дальнейшем, как правило, их сохраняют.

Ключевые различия между мужчинами и женщинами по социальной мобильности связаны с тем, что для женщин более весомым фактором является статус матери. Например, в случае оценки совокупного эффекта статуса матери на статус первой работы, рост на одну позицию в статусе матери соответствует увеличению ISEI дочери на 0,28, а ISEI сына – на 0,19 (табл. 5). Хотя совокупный эффект наследования статуса отца на первой работе приблизительно одинаков как среди женщин, так и мужчин: рост на одну позицию в ISEI отца соответствует увеличению ISEI дочери на 0,29, а ISEI сына – на 0,30. Относительно дальнейшей карьеры, происхождение остается более критическим фактором для женщин: в случае сравнения респондентов с одинаковым уровнем образования, среди женщин рост на одну позицию в ISEI отца или матери соответствует увеличению ISEI ребенка примерно на 0,3, а среди мужчин – на 0,1. Следует отметить, что статусы отца и матери положительно коррелируют, т.е. в семьях, где отец имеет высокий статус, матери также преимущественно относятся к высоким ступеням профессиональной иерархии.

Контроль по межпоколенным различиям (переменная «Поколение») свидетельствует, что среди мужчин есть тенденция к росту среднего профессионального статуса матери, в то время как средний профессиональный статус в начале карьеры наоборот уменьшается. Также зафиксировано увеличение среднего уровня образования, что логично в связи с широкой экспансией высшего образования в период независимости. Среди женщин ситуация несколько иная. Со временем уменьшается средний профессиональный статус текущей работы, хотя средний профессиональный статус в начале карьеры не меняется. Как и в случае мужчин, среди женщин выявлено тенденцию к росту среднего ISEI матери и среднего уровня образования.

Анализ связей между образованием, происхождением и текущей позицией среди отдельных поколений демонстрирует результаты подобные моделированию по полу: происхождение, главным образом, влияет на уровень образования и старт трудовой карьеры, в то время как прямое воздействие происхождения на текущую карьеру наблюдается не во всех когортах (рис. 2).

В когортах «1920-1940» и «1941-1960» влияние происхождения на начало карьеры, главным образом, базируется на воздействии статуса отца. Зато в постсоветском поколении (1961-1980 годы рождения), непосредственное влияние на стартовую позицию на рынке труда имеет не только статус отца, но и матери. Следует отметить, что положительная корреляция между статусом отца и матери значительно слабее в случае возрастной когорты «1920-1940», чем в других когортах.

Связь между первой работой и дальнейшей карьерой не отличается среди всех когорт: регрессионный коэффициент равен примерно 0.3 во всех группах. Образование имеет непосредственное влияние, как на старт карьеры, так и ее продолжение во всех когортах. Например, совокупное влияние образования на текущий профессиональный статус определяется как увеличение ISEI на 6-7 позиций с каждой дополнительной ступенью образования (в категориях 8 ступеней, смотри описание переменных выше).

Карьера практически нивелирует непосредственное влияние происхождения на профессиональный статус. Например, прогнозируемые значения ISEI первой работы как мужчин, так и женщин, получивших полное высшее образование, в среднем на 12 позиций выше среди тех, кто имел родителей с высоким статусом (ISEI=80), чем среди тех, чьи родители имели низкий статус (ISEI=20) (рис. 3). В случае сравнения с текущей позицией такой разрыв уменьшается до 4-5 позиций (рис. 4).

Согласно результатам моделирования, сыновья и дочери родителей с высоким профессиональным статусом, как правило, получают более высокие профессиональные позиции уже в начале карьеры. Например, при условии отца и матери с ISEI=80 (топ-менеджеры, управленцы) прогнозируемое значение ISEI сына или дочери с полным средним образованием уже в начале карьеры составляет 63 в возрастной когорте «1920-1940», 57 – в

возрастной когорте «1941-1960» и 58 – в возрастной когорте «1961-1980». Вместе с тем, при условии отца и матери с ISEI = 20 (неквалифицированные работники) прогнозируемое значение ISEI их сына или дочери в начале карьеры с полным средним образованием составляет 50 в возрастной когорте «1920-1940», 46 – в когорте «1941-1960» и 47 – в когорте «1961-1980».

Получение высшего образования увеличивает прогнозируемое значение ISEI, однако разница по происхождению все равно сохраняется. Иными словами, получение высшего образования существенно усиливает шансы восходящей мобильности индивидов, чьи родители имеют низкий статус, однако в условиях одинаковых образовательных характеристик дети из семей с высоким статусом родителей имеют лучшие шансы получить высокую позицию уже в самом начале карьеры. Такой результат характерен для всех когорт. При условии получения полного высшего образования, разрыв в ISEI в начале трудовой карьеры среди лиц с низким и высоким статусом родителей составляет 13 позиций в возрастной когорте «1920-1940», 11 позиций – в возрастной когорте «1941-1960» и 12 позиций – в возрастной когорте «1961-1980».

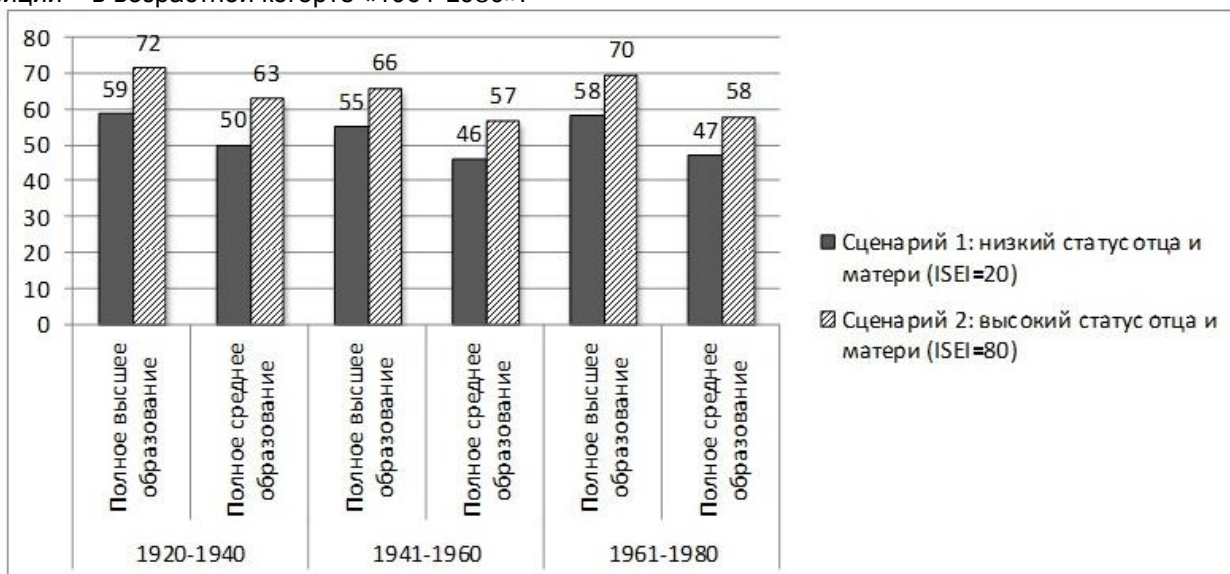

Рис. 3. Прогнозируемые значения социально-экономического индекса профессионального статуса (ISEI) индивидов в начале трудовой карьеры, в зависимости от статуса родителей и уровня образования: анализ по поколениям
(на основе предварительного моделирования, см. рис. 2)

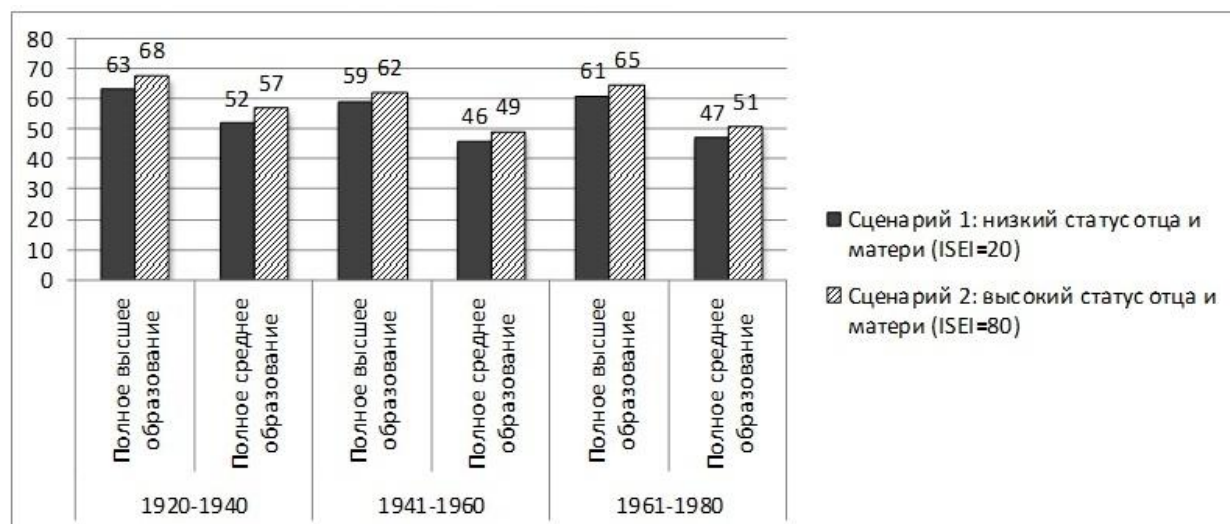

Рис. 4. Прогнозируемые значения текущего социально-экономического индекса профессионального статуса (ISEI) индивидов, в зависимости от статуса родителей и уровня образования: анализ по поколениям
(на основе предварительного моделирования, см. рис. 2)

Следует отметить, что наблюдается определенное усиление фактора образования с течением времени. Согласно результатам моделирования, если в возрастной когорте 1920-1940 годов рождения средняя разница между ISEI индивида с полным высшим образованием и ISEI индивида с полным средним образованием составляет 11 позиций, то в возрастной когорте 1941-1960 годов рождения – это 13 позиций, а в возрастной когорте 1961-1980 годов рождения – 14 позиций.

Выводы. Постсоветские трансформации, в первую очередь, влияют на институциональные факторы социальной мобильности, такие как тип стратификации или структура рынка труда; вместе с тем каналы социальной мобильности (образование и происхождение) в терминах относительных показателей остаются достаточно стабильными, несмотря на такие изменения. В абсолютном измерении наблюдается увеличение нисходящей межпоколенной мобильности. Однако, неконсистентность статусов родителей и детей вследствие социостатусных трансформаций на рынке труда не позволяет сделать четкий вывод о трендах социальной мобильности, поскольку имеющиеся изменения в мобильности скорее объясняются структурными изменениями в распределении профессиональных групп, а не изменениями в шансах мобильности.

Показатели абсолютной карьерной (внутрипоколенной) мобильности являются одинаковыми для всех исследуемых когорт (1920-1940, 1941-1960, 1961-1980): примерно половина населения остаются имобильными или осуществляет горизонтальную социальную мобильность (без изменения статуса). Около четверти характеризуются восходящей карьерной мобильностью. Результаты исследования свидетельствуют об очень тесной связи между профессиональным статусом на первом месте работы и текущей позицией на рынке труда: коэффициент корреляции Пирсона колеблется от 0,5 до 0,7 среди различных исследуемых когорт; в то же время аналогичные корреляционные коэффициенты между профессиональным статусом родителей и детей находятся в интервале 0,2-0,4. Эти данные свидетельствуют, что шансы карьерного роста по сравнению с позицией во время выхода на рынок труда меньше, чем шансы осуществить социальную мобильность по сравнению с родителями. Вместе с тем, отсутствие панельных данных не позволяет сделать вывод, в какой степени такие тенденции карьерной мобильности не являются следствием «эффекта периода», т.е. находятся под влиянием социально-экономической ситуации на момент исследования. Так, полевой этап исследования, которое используется в анализе, проводился в 2009 году, что характеризовался как период разворачивания мирового финансового кризиса в Украине, высокая доля нисходящей карьерной мобильности могла быть следствием потери профессиональных позиций именно в этот период.

Показатели относительной мобильности в украинском обществе согласуются с мировыми тенденциями. Так, образование является ключевым фактором социальной мобильности, что ослабляет влияние менее благоприятного происхождения на шансы достижения высоких позиций, вместе с тем это не нивелирует влияние происхождения полностью. Независимо от уровня образования, дети с высоким статусом родителей в среднем получают статусы выше на 4-5 позиций из 88 возможных (в измерении ISEI).

Существенные изменения наблюдаются в гендерном аспекте каналов социальной мобильности. Хотя в традиции исследования индивидуальных траекторий перемещений отец долгое время оставался основным референтом предоставления преимуществ в шансах достижения высоких позиций как для мужчин, так и женщин, сейчас позиция матери оказывает большее влияние на траектории социальных перемещений женщин, чем позиция отца. В этом смысле в последующие мониторинговые исследования, включающие информацию о социальной мобильности, целесообразно включать вопрос как об отце, так и матери.

Следует отметить, что в украинском обществе (для всех возрастных когорт и одинаково для мужчин и женщин) происхождение оказывает существенное влияние именно на начало карьеры. Дети родителей с высоким профессиональным статусом демонстрируют лучшие шансы получить высокий профессиональный статус уже на первом месте работы независимо от уровня образования, если сравнивать с шансами детей родителей с низким профессиональным статусом. Высокообразованные дети родителей с низким статусом, как правило, осуществляют восходящую мобильность по сравнению с родителями, однако они не попадают в топ 20% высоких профессиональных позиций (в измерении ISEI) сразу в начале трудовой карьеры. Зато сыновья и дочери, имеющие родителей с высоким профессиональным статусом, которые получили высшее образование, приобретают высокие профессиональные позиции (топ 20%) уже на первом месте работы.

Такие результаты свидетельствуют о важной роли социальных связей родителей в детерминации старта карьеры. В условиях трансформационных изменений ключевой проблемой остается не столько доступ к высшему образованию как основному социальному

лифту, сколько неравенство шансов на рынке труда после завершения института/университета. Эта проблема, с одной стороны, является следствием внутренних недостатков системы образования – ее низкой конкурентоспособности, нехватки квалифицированных кадров, несоответствия запросам рынка, а с другой – объясняется широким распространением теневых схем практически во всех социальных институтах и высокой значимости персонализированных связей родства и близости в профессиональной сфере. Отсутствие прозрачных конкурсов, возможность «приобретения» должностей, несовершенство механизмов получения опыта работы уже в процессе образования – все это усиливает роль статуса родителей и их социального капитала в шансах карьерного роста.

В завершении следует сказать, что отсутствие эффективных социальных лифтов является источником роста социального напряжения. Неэффективность образовательного лифта приводит к дефициту кадровых ресурсов; невозможность карьерного роста и улучшения своего благосостояния – к значительной поляризации доходов, отсутствие способов самореализации – к пессимизму в настроениях и апатичности. В данном контексте, целенаправленная политика по активизации социальных институтов (образования, бизнеса, политики и т.д.) как социальных лифтов должна фокусироваться на ослаблении существующих фильтров, например, коррупционности или ненадлежащего качества предоставляемых знаний, неэффективной кредитной политики в предпринимательстве и т.д.

Литература

1. Оксамитна С.М. (2006) Образование: новые тенденции воспроизводства традиционного неравенства // Новые социальные неравенства / Под ред. С. Макеева. - К.: Институт социологии НАН Украины. – С. 116-145.
2. Оксамитна С. (2003) Динаміка соціальної структури та соціальної мобільності: 1993-2003 // Українське суспільство - 2003. Соціологічний моніторинг / За ред. д.е.н. В. Ворони, д.с.н. М. Шульги. – Київ. - С. 311-312.
3. Оксамитна С.М. (2012) Структурна зумовленість міжгенераційної соціальної мобільності / Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора соціологічних наук. Київ.
4. Breen R. & Jonsson J. (2007). Explaining change in social fluidity: Educational equalization and educational expansion in twentieth-century Sweden. *American Journal of Sociology*. – 112(6),1775–1810.
5. Breen R. & Luijckx R. (2004). Social Mobility in Europe 1970-2000. In: Breen, R. (ed). *Social Mobility in Europe*. Oxford: Oxford University Press, 37-75.
6. Breen R. (1994). Individual Level Models for Mobility Tables and other Cross-Classifications, *Sociological Methods and Research*. – 23: 147-73.
7. Duncan O.D. & Hodge R. (1963). Education and Occupational Mobility: a Regression Analysis, *American Journal of Sociology*. – 68: 629-49.
8. Erikson R. & Goldthorpe J. H. (1992). *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*, Oxford: Clarendon Press.
9. Erikson R. & Goldthorpe J.H. (2010). Has Social Mobility in Britain Decreased? Reconciling Divergent Findings on Income and Class Mobility, *British Journal of Sociology*. – 61: 211-230.
10. Erikson R., Goldthorpe J.H. & Portocarero L. (1979). Intergenerational Class Mobility in Three Western European Societies, *British Journal of Sociology*. – 30: 415-441.
11. Ganzeboom H.B.G. & Treiman D.J. (1996). "Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 International Standard Classification of Occupations." *Social Science Research*. – 25: 201-239.
12. Gerber T. & Hout M. (2004). Tightening up: Declining class mobility during Russia's market transition. *American Sociological Review*. – 69(5), 677–703.
13. Glass D. (1954). *Social mobility in Britain*, Routledge, London.
14. Goldthorpe J. H. (2003). Progress in sociology: The case of social mobility research. *Sociology working papers no. 2003-08*. Oxford: Department of Sociology, University of Oxford.
15. Goldthorpe J.H. (2012). Back to Class and Status: Or Why a Sociological View of Social Inequality Should Be Reasserted / *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. – 137: 201-216.
16. Goodman A., Gregg P. & Machin S. (2004). Changes in Intergenerational Mobility in Britain / M. Corak (ed.), *Generational Income Mobility in North America and Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
17. Hauser R.M. (1976). On Boudon's Model of Social Mobility, *American Journal of Sociology*. – 81: 911-928.

18. Logan J.A. (1983). A Multivariate Model for Mobility Tables, *American Journal of Sociology*. – 89: 324-49.
19. Róbert P. & Bukodi E. (2004). Changes in intergenerational class mobility in Hungary, 1973–2000. In R. Breen (Ed.). *Social mobility in Europe*. Oxford: Oxford U. Press.
20. Treiman D.J. (1977). *Occupational Prestige in Comparative Perspective*, Academic Press, New York.
21. Yaish M. & Andersen A. (2012). Social mobility in 20 modern societies: The role of economic and political context. *Social Science Research*. – 41(3): 527–538.

ТРАНСЛИТЕРИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Oksamytna S.M. (2006) *Obrazovanie: novye tendencii vosпроизводства tradicionnogo neravenstva* // *Novye social'nye neravenstva* / Pod red. S. Makeeva. - K.: Institut sociologii NAN Ukrainy. – S. 116-145.
2. Oksamitna S. (2003) *Dinamika social'noi strukturi ta social'noi mobil'nosti: 1993-2003* // *Ukraïns'ke suspil'stvo - 2003. Sociologichnij monitoring* / Za red. d.e.n. V. Voroni, d.s.n. M. Shul'gi. – Kiyv. - S. 311-312.
3. Oksamitna S.M. (2012) *Strukturna zumovlenist' mizhgeneracijnoi social'noi mobil'nosti* / *Disertacija na здобuttja naukovogo stupenja doktora sociologichnih nauk*. Kiyv.
4. Breen R. & Jonsson J. (2007). Explaining change in social fluidity: Educational equalization and educational expansion in twentieth-century Sweden. *American Journal of Sociology*. – 112(6), 1775–1810.
5. Breen R. & Luijckx R. (2004). Social Mobility in Europe 1970-2000. In: Breen, R. (ed). *Social Mobility in Europe*. Oxford: Oxford University Press, 37-75.
6. Breen R. (1994). Individual Level Models for Mobility Tables and other Cross-Classifications, *Sociological Methods and Research*. – 23: 147-73.
7. Duncan O.D. & Hodge R. (1963). Education and Occupational Mobility: a Regression Analysis, *American Journal of Sociology*. – 68: 629-49.
8. Erikson R. & Goldthorpe J. H. (1992). *The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies*, Oxford: Clarendon Press.
9. Erikson R. & Goldthorpe J.H. (2010). Has Social Mobility in Britain Decreased? Reconciling Divergent Findings on Income and Class Mobility, *British Journal of Sociology*. – 61: 211-230.
10. Erikson R., Goldthorpe J.H. & Portocarero L. (1979). Intergenerational Class Mobility in Three Western European Societies, *British Journal of Sociology*. – 30: 415-441.
11. Ganzeboom H.B.G. & Treiman D.J. (1996). "Internationally Comparable Measures of Occupational Status for the 1988 International Standard Classification of Occupations." *Social Science Research*. – 25: 201-239.
12. Gerber T. & Hout M. (2004). Tightening up: Declining class mobility during Russia's market transition. *American Sociological Review*. – 69(5), 677–703.
13. Glass D. (1954). *Social mobility in Britain*, Routledge, London.
14. Goldthorpe J. H. (2003). *Progress in sociology: The case of social mobility research*. Sociology working papers no. 2003-08. Oxford: Department of Sociology, University of Oxford.
15. Goldthorpe J.H. (2012). Back to Class and Status: Or Why a Sociological View of Social Inequality Should Be Reasserted / *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. – 137: 201-216.
16. Goodman A., Gregg P. & Machin S. (2004). *Changes in Intergenerational Mobility in Britain* / M. Corak (ed.), *Generational Income Mobility in North America and Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
17. Hauser R.M. (1976). On Boudon's Model of Social Mobility, *American Journal of Sociology*. – 81: 911-928.
18. Logan J.A. (1983). A Multivariate Model for Mobility Tables, *American Journal of Sociology*. – 89: 324-49.
19. Róbert P. & Bukodi E. (2004). Changes in intergenerational class mobility in Hungary, 1973–2000. In R. Breen (Ed.). *Social mobility in Europe*. Oxford: Oxford U. Press.
20. Treiman D.J. (1977). *Occupational Prestige in Comparative Perspective*, Academic Press, New York.
21. Yaish M. & Andersen A. (2012). Social mobility in 20 modern societies: The role of economic and political context. *Social Science Research*. – 41(3): 527–538.